

0-777578

На правах рукописи

УКОЛОВА МАРИНА СЕРГЕЕВНА

ФЕНОМЕН ЭТНОФУТУРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Казань – 2009

Диссертация выполнена на кафедре культурологии и философии Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет культуры и искусств»

Научный руководитель:

кандидат философских наук, доцент
Булатова Дания Сергеевна

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
Сиротина Ирина Львовна

кандидат философских наук, доцент
Нежметдинова Фарида Тансыковна

Ведущая организация:

Казанский государственный
архитектурно-строительный университет

Защита состоится «23» июня 2009 года в 14 часов на заседании Диссертационного совета Д 210.005.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Федеральном государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский государственный университет культуры и искусств» по адресу: 420095, г. Казань, Оренбургский тракт, 3, ауд. 302.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Казанского государственного университета культуры и искусств.

Электронная версия автореферата размещена «22» мая 2009 г. на официальном сайте Казанского государственного университета культуры и искусств. Режим доступа: [http:// www.kasguki.ru](http://www.kasguki.ru)

Автореферат разослан «22» мая 2009 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000547841

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

Бажанова Р.К.

Актуальность исследования определяется следующими основными причинами.

Во-первых, потребностями современной социокультурной ситуации, в которой в ответ на процессы глобализации и вестернизации возникают тенденции к усилению локальных и региональных культур. Это связано с необходимостью сохранения этнокультурной идентичности. Особое место в этом процессе занимает заявивший о себе в конце XX – начале XXI веков среди тюркских и финно-угорских народов так называемый «этнофутуризм». Мировоззренческой установкой этнофутуризма стал диалог и стремление к синтезу «своего» (этноарханки) и «чужого» (техногенного). Этнофутуризм как своего рода оппозиция крайнему национализму и тем более фундаментализму толерантен к иной этничности, что делает его «глокальным» явлением, то есть утверждающим этничность в качестве универсального принципа модернизации в современной культуре, и определяет, таким образом, его соотносительность с постмодернизмом. За время своего существования этнофутуризм расширил географический и социокультурный ареалы бытования. Выйдя за рамки узкохудожественного феномена, он проявляется сегодня как в идеологии, так и в повседневной культуре, а также наиболее ярко – в искусстве тюркских и финно-угорских народов, представляя сегодня сложносистемное образование.

Во-вторых, актуальность темы в еще большей степени определяется социокультурной ситуацией в современной Чувашии, где этнофутуризм широко представлен как в материальной, так и в духовной сферах культуры, а также в художественно-эстетической практике республики.

В-третьих, актуальность исследования обусловлена потребностями современного гуманитарного знания и прежде всего культурологии. Несмотря на то, что этнофутуризм становится предметом эмпирических, а также теоретических исследований, изучение его как более широкого культурного феномена остается явно недостаточным. Нет однозначных определений этнофутуризма, что должно быть восполнено. Кроме того, этнофутуризм требует изучения в качестве системного явления современной культуры в рамках интегративного культурологического дискурса.

Степень разработанности проблемы.

Анализ феномена этнофутуризма основан на тех исследованиях, которые непосредственно или опосредствованно затрагивают частные и более общие проблемы этнофутуризма.

Прежде всего, это опыт самого первого определения и осмысления феномена этнофутуризма эстонскими практиками и теоретиками искусства¹. Ими заложены основы понимания этнофутуризма как художественно-эстетического явления с выходами на проблемы этнофутуризма в более широком – мировоззренческом – плане, как особого способа мышления.

Следующий пласт отечественных исследований этнофутуризма в культурах финно-угорских и тюркских республик (Марий Эл, Удмуртии, Чувашии) носит местный локальный характер². Данные ученые, продолжая традиции эстонских исследований, анализируют этнофутуризм более всего как художественное явление. Главным здесь является то, что разрабатывается материал собственно региональных культур. С одной стороны, это обогащает наше понимание разнообразной практической базой, с другой – дает широкую географическую панораму распространения этнофутуризма в разных регионах России. Вместе с тем, можно обнаружить, что, например, в Чувашии существует явная ограниченность эмпирического и, в особенности, теоретического опытов осмысления этнофутуризма как в его региональной специфике, так и в его общекультурных проявлениях. Практически единственным исследователем этнофутуризма в Чувашии можно назвать литературного и художественного критика А.П. Хузангай³.

Для понимания современной ситуации в чувашской национальной культуре, в том числе этнофутуристических трендов, полезными являются исследования национальных или местных искусствоведов, литературоведов, а также социологов и теоретиков культуры по общекультурологическим проблемам с отдельными выходами на проблемы этнофутуризма⁴.

Таким образом, на сегодняшний день в современной гуманитаристике, в том числе и региональной, ощущается нехватка культурологических исследований

¹ Саламаа, К. Этнофутуризм – философия жизни – энергия / К. Саламаа // Финно-угорский вестник. – 2006. - № 3; Таагепера, Р. Будущее финно-угорских республик в рамках России и мира / Р. Таагепера // <http://www.suri.ee/etnofutu/3/doc/taagak-v.html>; Хейнануу, А. Трактовыи понятия этнофутуризма в Эстонии / А. Хейнануу, О. Хейнануу // http://suri.ee/etnofutu/idnatekst/heinapuud_ru.html.

² Банников, В.И. Этнофутуристическое движение в Югре: манифест этнофутуризма / В.И. Банников // Вопросы культурологии. – 2008. - № 1; Колчева, Э.М. Феноменология этнофутуризма / Э. М. Колчева // Финно-угроведение. – 2007. - № 1; Розенберг, Н.А. Этнофутуризм Поволжья и Приуралья / Н.А. Розенберг // <http://suri.ee/etnofutu/4/rozenber.html>; Шибанов, В. Этнофутуризм в удмуртской литературе / В. Шибанов // http://suri.ee/etnofutu/idnatekst/shibanov_ru.html.

³ Хузангай, А.П. Тексты, метатексты&путешествия / А. Хузангай. – Чебоксары: ЧГИИП, 2003; Хузангай, А. Чувашская традиция в свете глобализма / А. Хузангай // Народная школа. – 2002. - № 6.

⁴ Бойко, И.И. Перепись 2002 года в Чувашской Республике: этническая и языковая этничности / И.И. Бойко, Ю. Марков, В. Харитонов // ЛИК. – 2007. - № 3; Данилова, И. Молодые композиторы: линия судьбы / И. Данилова // Новый ЛИК. – 2000. - № 2; Мордвинова А.И. Геннадий Айги и его художественное окружение. Чувашские художники на выставке «Мир этих глаз – 2» / А.И. Мордвинова // Чувашское искусство: Вопросы теории и истории. – Чебоксары: ЧГИИП, 2001; Федоров, Г.И. Художественный мир чувашской прозы / Г.И. Федоров // Чебоксары: ЧГИИП, 1996.

теоретико-философского плана. В особенности, это относится к изучению феномена этнофутуризма в современной чувашской культуре.

Проблемная ситуация состоит в том, что феномен этнофутуризма сегодня требует системного понимания и описания таких характерных форм его объективации в культуре, как *идеологическая*, *повседневная* и *художественно-эстетическая*, которые наиболее ярко существуют сегодня в Чувашии, но не получили своего философско-теоретического осмысления. Между тем ощущается потребность в культурологической разработке феномена этнофутуризма как системного явления в его онтологическом, гносеологическом, морфологическом и динамическом аспектах.

Объектом диссертационного исследования поэтому стал этнофутуризм как феномен современной культуры.

Предмет исследования – этнофутуризм как системное явление в современной чувашской культуре.

Цель диссертационного исследования – анализ этнофутуризма как мировоззренческой системы и форм его культурной объективации идеологической, повседневной и художественной.

Материал исследования – среди других региональных культур более всего современная чувашская культура в таких ее формах, как идеология, повседневность и искусство.

Для реализации данной цели решаются следующие *задачи*:

- разработать целостное представление об этнофутуризме как многоаспектном явлении и дать рабочее определение этнофутуризма в рамках философско-культурологической теории;

- определить социально-исторические, гносеологические и социально-психологические предпосылки генезиса этнофутуризма в культуре;

- обозначить место этнофутуризма в культуре постмодернизма, проследив характер взаимосвязи этнофутуризма с постмодернизмом;

- рассмотреть этнофутуризм как идеологический феномен чувашской культуры;

- выявить особенности проявления этнофутуризма в повседневной культуре современной Чувашии;

- рассмотреть художественно-эстетическую специфику этнофутуризма в произведениях современных чувашских художников.

Рабочая гипотеза. Этнофутуризм является более широким феноменом культуры, нежели только художественно-эстетической практикой современных финно-угорских и тюркских народов, и предстает, во-первых, как идейно-мировоззренческая система, имеющая социально-исторические, социально-психологические и гносеологические предпосылки, а во-вторых, как совокупность

форм объективации данного мировоззрения в идеологии, повседневности и искусстве региональных культур. Этнофутуризм следует определять как относительно неустойчивую целостность, сущность которой обеспечивается диалектическим единством двух противоположностей – этноархаики и техноинноваций.

Методологические основания исследования.

Для культурологического рассмотрения феномена этнофутуризма необходим *комплексный подход*, что означает использование целого комплекса научно-теоретических принципов и методов из разных специальных областей гуманитарного знания. При этом в основу многоаспектного изучения этнофутуризма (онтологического, гносеологического, морфологического и динамического) лег *системный подход* как общенаучный принцип понимания сложноорганизованных, саморазвивающихся целостных объектов. Он позволяет преодолеть ограниченность в трактовке этнофутуризма как лишь локального этнокультурного, глубоко художественного явления, притом приписанного к постмодернизму. *Системный анализ* помогает избежать подобной односторонности и способствует пониманию этнофутуризма как целостной мировоззренческой системы в ее многообразных проявлениях в таких формах современной культуры, как идеология, повседневность и искусство, что характерно для разных регионов России.

Для понимания генезиса и основных этапов эволюции этнофутуризма в истории культуры тюркских и финно-угорских народов России в работе привлекаются *теории* линейного и циклического (инверсионного) развития, а также *теоретические модели* современной социокультурной и этнокультурной динамик. Кроме того, для выявления причин генезиса и историко-типологического разнообразия этнофутуризма был предпринят своего рода «многофакторный» анализ его социально-исторических, гносеологических и психологических предпосылок.

В диссертации также использованы такие общенаучные и собственно культурологические методы, как *логико-понятийный* – при анализе терминов и понятий, для выработки операционального понятия этнофутуризма, *типологический метод* – для анализа его культурно-типологических модификаций, то есть идеологической, обыденной и художественной. Для выявления и описания особенностей этих феноменов этнофутуризма в чувашской культуре в работе применены такие традиционные в гуманитаристике методы, как *сравнительно-сопоставительный* и *дескриптивный*.

Научная новизна диссертационного исследования:

- данное исследование по сути является первой попыткой целостного культурфилософского осмысления этнофутуризма как более широкого культурного

феномена, нежели только узколокального этнохудожественного направления в искусстве;

- в культурфилософский обиход вводится определение этнофутуризма как особого системного явления в его соотношениях с современной культурной жизнью, а также с постмодернизмом;

- предпринято теоретическое изучение комплекса основных социально-исторических, гносеологических и психологических предпосылок актуализации этнофутуризма в современной отечественной культуре:

- выделены и проанализированы наиболее яркие и характерные типологические разновидности этнофутуризма в таких культурных формах современной Чувашии, как идеологическая, повседневная и художественно-эстетическая;

- впервые выявлены субстанциональные свойства этнофутуризма как мировоззренческой системы в его онтологическом, гносеологическом, морфологическом и динамическом аспектах;

- на метауровне проанализирован и обобщен значительный эмпирический и теоретический материал современных региональных культур с акцентом на Чувашию как на наименее разработанный в культурологическом плане объект;

- на основе полученных результатов культуртеоретического исследования удалось показать влияние общерегиональных особенностей этнофутуризма на его специфические проявления в таких культурных формах современного общественного бытия в Чувашии, как идеология, повседневность и искусство.

На защиту выносятся следующие положения:

- этнофутуризм следует рассматривать не только как художественное направление в рамках узколокальных этнокультур, но как определенную систему мировоззрения, которая объективируется в разных формах культур – идеологической, повседневной и художественной – в регионах России. Комплексная разработка этнофутуризма, отвечающая требованиям культурологии как сферы интегративного знания, позволяет обобщить эмпирический и теоретический материал, дает возможность выйти на метатеоретический уровень и представить этнофутуризм как сложноорганизованный объект в единстве его онтологической, морфологической, гносеологической и динамической характеристик. Этнофутуризм определяется как динамичное единство, парадоксально сопрягающее в себе этноархаику с техно-инновациями, что выражает интенцию культур в условиях глобализации – не потерять почву в стремительном потоке техногенной цивилизации. С онтологической точки зрения, этнофутуризм предстает в двух статусах – как особая идейно-мировоззренческая система в современном общественном сознании (прежде всего финно-угорских и тюркских народов), а также как совокупность конкретно-предметных форм ее объективации в

повседневности, искусстве и идеологической деятельности этих народов в период конца XX – начала XXI веков;

- этнофутуризм как идейно-мировоззренческая система складывается в конце 1980-х – начале 1990-х гг. как особый «этноренессансный» ответ на «вызовы» глобализации с ее гомогенным влиянием. Наиболее ранние «этноренессансные» проявления относятся к 1860-м годам – периоду этнокультурного подъема, развития самосознания этносов во многих регионах России. Эволюция «этноренессансных» тенденций имеет инверсионную динамику и проявляется в чередовании периодов активизации с периодами затухания и инерции;

- морфологический аспект анализа этнофутуризма обнаруживает единство противоположностей в самом системном образовании этнофутуризма. Во-первых, в нем существует парадоксальное соединение элементов «своего» (традиционной этнокультуры) с привнесенным «чужим» (инноваций информационной цивилизации). Во-вторых, в нем парадоксально интегрированы разнонаправленные тенденции современного этнокультурного бытия – тенденция к противостоянию глобализации и тенденция к «локальной глобализации», что напоминает «культурную глобализацию»;

- этнофутуризм как идейно-мировоззренческое образование современной эпохи нуждается в сравнительно-сопоставительном анализе с постмодернизмом. Будучи феноменом постнеклассического типа, этнофутуризм обнаруживает такие сближающие его с постмодернизмом свойства, как парадоксальность и интертекстуальность, цитатность и игровое начало, иррациональность и импровизационность и прочие. К существенным отличиям относятся разница в исторических и конкретных социально-культурных предпосылках, а также в тональности мифологических практик;

- этнофутуризм как мировоззренческое образование предстает как многоуровневая система, в которой выделяются уровень мирочувствования и мировосприятия, далее – уровень миропредставлений, миробразов и картины мира, затем – уровень миропонимания, идей, концепций и теоретической саморефлексии. Активизация идеологического уровня этнофутуризма пришлась на начало 1990-х гг.

- период нарастания хаосообразных процессов в регионах России. Основными идеологическими установками этнофутуризма стали возрождение статуса национальных языков, традиций, внимание к этическим и художественно-эстетическим основам этнических культур, что не исключало идеи о потребности регионов в ускоренной модернизации за счет информационно-технологических инноваций. Такой симбиоз этноконсерватизма с модернизацией определил специфику идеологической модификации этнофутуризма;

- социокультурная динамика этнофутуризма представляет собой инверсионный путь от художественно-эстетических деклараций эстонской

творческой элиты с новоизобретенным ею термином «этнофутуризм», а также программ социо- и этнополитического характера непосредственно в художественную практику финно-угорских и тюркских народов, а затем – в художественно-критические и теоретические исследования. Также стал проникать в повседневность, в которой на сегодняшний день представлен широко. В каждой из подсистем повседневности – в макросреде города или микросреде индивида, группы, или же в гиперреальной информационной коммуникации и коммуникативно-интерактивной среде межличностных контактов он проявляется в форме будней и праздников, обнаруживая общие черты с постмодернизмом;

- этнофутуристическое мировоззрение объективируется в пространстве культуры не только как идеология или «сгустки» повседневности. Наиболее выразительной формой объективации этнофутуризма является современное искусство в культуре финно-угорских и тюркских этносов. В результате слияний, цитаций и столкновений разноплановых текстов – традиционно древних с новочувашскими профессиональными, а также с авангардными западными в духе модернизма и постмодернизма – этнофутуристические художественные произведения предстают как сложное интертекстуальное целое. Важнейшей ценностью для этнофутуризма в качестве литературно-художественного направления является слово. В художественно-эстетическом пространстве чувашской культуры этнофутуризм существует весьма комфортно, о чем свидетельствует его актуальность и популярность в республике.

Теоретическая и практическая значимость определяется тем, что этнофутуризм ранее не рассматривался в рамках философско-культурологического исследования как широкое системное явление, характерное для ряда региональных культур в современной России последних десятилетий. Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в углубленном представлении об этнокультурных процессах, связанных с взаимодействием этнофутуризма и постмодернизма. В работе также намечен ряд направлений для дальнейшего изучения иных культурных форм проявлений этнофутуризма, например, в спортивной жизни и потребительской культуре, в туризме и моде.

Основные выводы диссертации могут быть использованы в учебном процессе, при разработке курсов, программ и пособий по гуманитарным дисциплинам – культурологии и социологии культуры, этнологии и искусствоведению, фольклористике и отечественной истории. Кроме того, материалы работы могут быть полезными в практике преподавания основ региональных культур тюркских и финно-угорских народов – в школе, училище или же в вузе культуры и искусств, в деятельности учителей, краеведов и социально-культурных работников.

Апробация работы.

Основное содержание диссертации нашло отражение в публикациях по теме, а также в докладах и выступлениях на научных и научно-практических конференциях международного, всероссийского, республиканского и городского уровней¹.

Структура работы.

Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, каждая из которых включает по три параграфа, а также заключения и библиографического списка из 279 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы с точки зрения современной общественной, социально-культурной и, в частности, региональной, а также культурологической ситуаций. Характеризуется степень ее разработанности и формулируется проблема. Затем определяются объект и предмет исследования, а также цель и задачи. Излагаются методологические основания диссертации, ее научная новизна, а также теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

Глава первая «Философско-мировоззренческая сущность этнофутуризма» состоит из трех параграфов. В ней развернут культурфилософский анализ этнофутуризма как особой идейно-мировоззренческой системы, имеющей такие формы объективации в современных региональных культурах постперестроечного периода, как идеологическая, повседневная и художественно-эстетическая. Предпринят логико-понятийный анализ термина «этнофутуризм» в целях выработки собственного операционального для исследования понятия. Для обоснования этнофутуризма как более широкого мировоззренческого явления в современной культуре проанализированы предпосылки его генезиса и социокультурной динамики – такие, как социально-исторические, гносеологические и социально-психологические. Рассмотрена морфология этнофутуризма как особой мировоззренческой системы в общественном сознании финно-угорских, тюркских

¹ Международная научно-практическая конференция «Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические» (Чебоксары, 2006); Международная научно-практическая конференция «Язык, литература и культура в эпоху глобализации: тенденции развития» (Чебоксары, 2008); Международный круглый стол «Проблемы исторической регионалистики» (Чебоксары, 2008); Всероссийская научно-практическая конференция «Русский язык как интеллектуальная ценность и как учебный предмет» (Чебоксары, 2008); Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы ревитализации традиционной культуры народов Волго-Камья» (Йошкар-Ола, 2008); заочная Всероссийская научно-практическая конференция «Этнокультура и современность» (Белгород, 2009); межвузовская научно-практическая конференция «Проблемы региональной культуры» (Чебоксары, 2008).

народов и одновременно как этнокультурного феномена в его диалектических взаимосвязях с постмодернизмом.

В первом параграфе «К определению понятия «этнофутуризм» рассматриваются основные точки зрения на сущность и особенности этнофутуризма. Уже на начальных этапах термин «этнофутуризм» определяется его авторами и создателями как образ мышления, альтернативный современным ему направлениям своей устремленностью в будущее. По их мнению, это специфический образ миропредставлений, поначалу выражающий себя через профессиональное искусство - и прежде всего в изобразительном и литературном творчестве финно-угорских народов - в период 90-х годов XX века, то есть времени распада Советского Союза и усиления влияния западной техногенной и информационной цивилизаций. Согласно авторам манифеста «Этнофутуризм: образ мышления и альтернатива на будущее» (1994)¹, сущностной особенностью этнофутуризма является попытка достичь оригинального сплава двух начал этнокультурного традиционализма с модернизацией и техно-инновациями. Этнофутуризм, таким образом, в его первоначальной программной репрезентации - это сложно образованный комплекс из «своего» (этноарханки) и чужого (прозападных техно-инноваций). При таком подходе намеренно избегаются две крайности: с одной стороны, этнофутуризм не впадает в национальный этноцентризм, а с другой - противопоставляет унифицирующему влиянию глобализации. Родоначальники этнофутуризма изначально и осознанно выбирают своего рода «срединный путь», в качестве оптимального способа для вхождения малых этносов в современный цивилизационный процесс без потери своей этнокультурной идентичности, своих традиционных основ.

Эти первые опыты саморефлексии этнофутуризма в лице ее наиболее ярких представителей - творческой элиты современной Эстонии, затем республик Марий Эл, Удмуртии, Чувашии, а сегодня Татарстана, Башкирии и других - были осмыслены теоретиками художественной культуры. Ряд исследователей того обширного эмпирического материала, который накоплен на сегодняшний день в регионах, определяет этнофутуризм прежде всего как литературно-художественное направление со своими разнообразными специфическими проявлениями в творчестве финно-угорских и тюркских художников. Также этнофутуризм понимается как особый творческий метод, то есть комплекс мировоззренческих принципов и специальных художественных приемов, сознательно ориентированный на симбиоз традиций с инновациями.

В современных научно-теоретических спорах о связи этнофутуризма с постмодернизмом, где одни отмечают их родство на основании общих структурных

¹ Этнофутуризм: образ мышления и альтернатива на будущее // <http://suri.ee/etnofutu/texts/obraz.html>.

принципов игры и коллажа, а другие – видят в этнофутуризме «выход» из ситуации постмодерна, мы занимаем позицию третьей стороны и утверждаем, что связь между ними – это единство противоположностей. В конце первого раздела диссертации этой проблеме отведено специальное место, что способствует более углубленной системной характеристике этнофутуризма в его соотношениях с постмодернизмом как системой другого порядка.

Исходя из разработок современной искусствоведческой теории, которая имеет тенденцию к более широкому, чем художественное направление, пониманию этнофутуризма, в диссертации предпринято его рассмотрение на новом уровне культурно-философского обобщения. Так, этнофутуризм представляется идейно-мировоззренческой системой, которая объективируется в разнообразных формах культурной жизни регионов – в идеологической (этнополитическая идеология) и повседневной (как будни и праздники), в художественно-эстетической (в произведениях искусства и художественной критике), а также в других культурных формах – в потребительской деятельности и моде, в спорте и шоу-бизнесе, в рекламе и туризме, что остается за пределами диссертации в качестве дальнейшей исследовательской перспективы.

Поскольку культурологическое изучение требует многостороннего анализа этнофутуризма как культурного феномена, он рассматривается в онтологическом, морфологическом и динамическом аспектах. Так, в онтологическом плане этнофутуризм представляется, во-первых, мировоззрением, характерным более всего для финно-угорских и тюркских народов, а во-вторых, как совокупность форм его бытования на чувственно-предметном, конкретно-деятельностном уровнях. В морфологическом плане этнофутуризм как относительно целостная, многоуровневая идейно-мировоззренческая система включает в себя мировосприятие и мирочувствование, затем – миропредставление и миропонимание, а также в виде программ и идеалов. В конце первого параграфа намечается самое общее, в первом приближении, определение этнофутуризма как идейно-мировоззренческой системы, обладающей, с одной стороны – относительной целостностью, многоуровневостью и самоорганизацией, а с другой – неустойчивостью, функциональной подвижностью и открытостью, что обусловлено имплицитно присущим этнофутуризму парадоксальным сопряжением в нем этноархаического, традиционного «ядра» с техно-инновационным, модернистской «периферией». Это определение будет дополнено и усложнено анализом того комплекса факторов и предпосылок, которые определили генезис и социокультурную динамику этнофутуризма, а также разнообразные культурные формы его бытования в современной жизни регионов.

Во втором параграфе «Социально-исторические предпосылки этнофутуризма» анализируются внешние, объективные, общественно-исторические

и конкретно-социальные факторы становления и развития этнофутуризма как мировоззренческого феномена культуры. Данное мировоззрение имеет широкую предысторию практически во всех регионах финно-угорского и тюркского пространств, в связи с тем, что оно содержит в себе так называемые «этноренессансные» идеалы. Поскольку «этновозрождение» возникает как ответ на «вызовы» модернизации, провоцирующей «затухание» этнокультуры и размывание границ этнокультурной идентичности, оно представляется попыткой актуализировать традиции этноса. Так, мы полагаем, что эволюция «этноренессансных» тенденций в регионах России имеет инверсионный, или маятниковый характер. В этом случае для исследования наиболее адекватна инверсионная модель социодинамики¹, которая фиксирует циклический характер смены этапов актуализации или деактуализации «этноренессансных» тенденций. Наиболее наглядно это прослеживается в Чувашии.

Так, *доэтнофутуристический период* – с середины 1860-х гг. до начала 1930-х гг. – выступает как зона актуализации «этновозрожденческих» тенденций в стране. Для данного периода характерен подъем этнокультурного самосознания, активизации политической самостоятельности, развития социокультурной и художественно-эстетической сфер культуры. В Чувашии происходит расцвет образования, педагогической системы, художественной культуры, науки, а затем – и развитие государственности. Внутри периода можно выделить несколько этапов, характерных для маятникообразного движения социокультурной динамики: от фазы активности (1860 – 1880 гг.) через фазу инерции (1880 – 1917 гг.) к новой фазе реактивизации (1917 – 1930 гг.).

Второй период – *предэтнофутуристический*, предшествующий рождению этнофутуризма в Чувашии, также имеет несколько этапов: от фазы «затухания» и затем жесткой регламентации в сфере официальной этнополитики (1930 – 1950 гг.) через фазу реверсии в сторону активизации «этновозрожденческих» тенденций (1950 – 1960 гг.) к фазе общего спада этнокультурных процессов в стране, усиления общегосударственной партийной идеологии (1960 – 1980 гг.).

Собственно, *этнофутуристический период* приходится на конец XX – начало XXI вв. В нем выделяется новая фаза активности в инверсионном процессе современной социодинамики. Собственно этнофутуристический период качественно отличается от предшествующих. В нем по-особенному переосмысливается «этноренессанс». Происходит обращение не только к «своему», но и к «чужому». Притом переосмысление происходит за счет «своего», идентичного (этноархаики) с помощью неидентичных техно-инновационных

¹ Ахизер, А. С. Россия – критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь / А. С. Ахизер. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992

средств западной цивилизации. В собственно этнофутуристическом периоде также можно обнаружить особый тип динамики: если конец 1980-х – начало 2000-х гг. – время интенсификации этнокультурных процессов практически во всех сферах деятельности чувашского этноса (от политики до искусства), то начало 2000-х гг. – уже продолжение этого процесса, скорее, поступательного характера.

От анализа общих исторических предпосылок генезиса и становления этнофутуризма необходимо перейти к конкретно-историческим предпосылкам, определяющим облик этнофутуризма. Такими детерминантами для него являются тенденции влияния западной цивилизации и процесса глобализации. Появление этнофутуризма как идейно-мировоззренческого феномена финно-угорских и тюркских этносов вызвано *кризисной ситуацией* в культуре – как в общероссийской, так и мировой, что принято связывать с началом 1990-х гг. К кризисным процессам относятся разрушение советской системы и открытость постсоциалистического пространства для мощного модернизирующего влияния западной культуры. Этнофутуризм, возникший как ответ на хаосообразные процессы, как детище кризисной эпохи и процессов модернизации, стремится к активизации этнокультурных тенденций не через противопоставление «своего» и «чужого», этнического и прозападного, регионального и мирового, но через парадоксальное сопряжение этих противоположностей. Таким образом, присущими этнофутуризму как мировоззренческой системе становятся свойство парадоксальности и единство противоположностей.

С одной стороны, этнофутуризм, основанный на арханко-этническом компоненте, возрождает утраченные смыслы этнокультуры, ее традиции и ценности, допуская при этом сакрализацию прошлого. Одновременно в этнофутуризме формируется и представление об идеальном будущем этноса, связанном с модернизацией, с техническим прогрессом. Интернет рассматривается этнофутуристами как оптимальный канал распространения своей этнической культуры, за счет чего локально-этническое стремится участвовать в глобальных процессах. Также можно сказать, что этнофутуризм своеобразно «оборачивает» оппозицию «глобализация – локализация» в свою пользу. С одной стороны, он артикулирует идею отказа от универсализации и унификации культуры, с другой же – формулирует идеи финно-угорского мира или тюркской общности, претендуя, таким образом, на своеобразную «локальную глобализацию». Такой посыл находит выражение в реальном пространстве современной культуры, например, в различных движениях и ассоциациях, фондах («Фенно-Угрия», «Удмурт кенеш», «Марий ушем», Ассоциация тюркских народов) и мероприятиях (ярким образцом является фестиваль «КАМWA»), а также в гиперреальном – в нелегитимном или малолегитимном пространстве Интернета. В подобных случаях можно говорить о том, что этнофутуризм репрезентирует себя как своего рода вариант «культурной

глобализации» для дисперсных этнических групп – как в форме реальных, так и гиперреальных интеграционных процессов.

Итак, морфология этнофутуризма как идейно-мировоззренческой системы детерминирована объективными общественными процессами, определяя его строение как функционально-неустойчивое, открытое, динамичное. При этом внутренним источником неустойчивой динамики этнофутуризма как системы является его ядро, которое представляет собой симбиоз традиционного и инновационного, этноархаики и модернизации, этно-локального и общечеловеческого, «своего» и «чужого». Единство и борьба противоположностей – важнейший генератор саморазвития мировоззренческой системы этнофутуризма. Более обстоятельный анализ механизмов внутреннего устройства мировоззренческой системы этнофутуризма дан в следующем параграфе.

В третьем параграфе «Гносеологические и социально-психологические основания этнофутуризма» дается общая характеристика гносеологических и социально-психологических предпосылок этнофутуризма, выявляются взаимосвязи этнофутуризма с постмодернизмом, а также с постпостмодернизмом. В социально-психологическом плане этнофутуризм возникает как способ «психологической защиты» и адекватной реакции на неустойчивость и кризисные, хаосообразные процессы действительности. Именно на начало 1990-х гг. приходится общее чувство дискомфорта и незащищенности, социально-групповой дезинтеграции и разобщенности. Потому этнофутуризм можно рассматривать, с одной стороны, как способ адаптации к условиям конкретно-социального культурного кризиса, а с другой – как ответ на процессы глобализации и унификации. Кроме этого, этнофутуризм выступает и как способ этнической самоидентификации, саморефлексии.

Гносеологическими предпосылками особенностей этнофутуризма можно считать природу человеческого мышления, которому свойственны, с одной стороны, адекватность отражения действительности, а с другой – способность к конструированию реальности, пересозданию ее с помощью «спонтанных фантазий, интуитивных конструктов, вдохновения, установок»¹. Кроме того, в акте познания как сиюминутном образе настоящего нередко присутствует прошлое (апперцепция, память, припоминание и т.п.), а также цели, идеалы и проекты как образы будущего. В этом случае этнофутуризм – не продукт простого познания реального мира, но сложный комплекс из познания и припоминания, саморефлексии и устремленности в будущее. Такие общегносеологические принципы как объективность и познаваемость, адекватность отражения и творческая активность субъекта проявляют себя и в мировоззрении этнофутуризма. С одной лишь оговоркой – в

¹ Меньчиков, Г.П. Духовная реальность человека : анализ философско-онтологических основ / Г.П. Меньчиков. – Казань : ГранДан, 1999. – С. 286.

ситуации кризиса в нем как способе осмысления мира усиливается активный, субъективно-ценностный, этнолокальный или традиционно-этнический моменты познания.

В соответствии с современной теорией нелинейной «паутины познания» (Ф. Варела, Ф. Капра, Е. Князева, У. Матурана), «познающий не столько отражает мир, сколько творит его, он не только открывает мир, но отчасти изобретает его...»¹. Субъект этнофутуризма, будучи встроенным в действительность, осознает ее позитивное и негативное воздействия на культуру этноса. Опираясь на новые технологии современной западной цивилизации, представитель этноса переосмысливает при этом и традицию этнокультуры с надеждой на благотворное влияние прогресса. Это свойственно прежде всего определенным социально-психологическим группам малых этносов в регионах России – представителям творческой и профессиональной элиты этнической культуры.

Отмеченные качества «нелинейности» и «парадоксальности» мышления в этнофутуризме позволяют выявить и проследить связь между этнофутуризмом и постмодернизмом, который понимается как философско-мировоззренческая система, с характерным отказом от классической и неклассической парадигмы культуры, с такими свойствами, как парадоксальность, принципы плюрализма и децентрации, а также иррациональность, реверсивность, отказ от «логоцентризма», примат текста и цитатность. Представляется, что этнофутуризм с постмодернизмом сближают *парадоксальность* мышления, то есть стремление соединять несоединимое, *представление об ацентричности мироздания, интертекстуальность, иррациональность и мифологичность*. При этом для этнофутуризма как идеологической формы культуры более характерно стремление к предписыванию и легитимации. Этнофутуризм, как и постмодернизм, выстраивает новую мифологию, но если постмодернистское мифотворчество – это пессимистическое, с элементами эсхатологии фундированное представлением о бесконечном «ксероксе»², то этнофутуристический «миф» – оптимистичный, с верой в прогресс и возможность гармонии между «своим», консервативным, и «чужим», инновационным. В разных тональностях этих мифологических систем кроется главное отличие этнофутуризма и постмодернизма как мировоззренческих систем. Различия также обнаруживаются в детерминирующих факторах: постмодернизм обусловлен социально-научными процессами, новыми технологиями, информационной революцией, массовой культурой и обществом потребления, этнофутуризм – кризисными социально-политическими обстоятельствами (перестройкой, глобализацией). Эти различия объясняются тем, что этнофутуризм формируется в *период перехода* от постмодернизма к

¹ Князева, Е.Н. Нелинейная паутина познания / Е.Н. Князева // Человек. – 2006. – № 2. – С. 32.
² Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. – М. : Добросвет, 2000.

постпостмодернизму и содержит, по нашему мнению, черты обеих систем. По мнению исследователей в постпостмодернизме (after-postmodernism) происходит «воскрешение субъекта» (М. Готдинер), «реанимация значения» (Дж. Уард) и классического понимания содержания коммуникации¹. Новый гуманизм, «транссентиментализм» с его лиризмом, возрастание роли виртуальной реальности – все это черты нового мировоззрения постпостмодернизма. Многие из перечисленного характерно и для этнофутуризма. Так, *оптимистическая тональность* этнофутуризма с его особым отношением к традициям и этноархаике объясняется обновлением гуманизма. При этом этнофутуризм, находясь в контексте постпостмодернизма, демонстрирует «свою модель «этноренессанса», основанную на «оживлении» пространства современной информационной культуры». В этнофутуризме, особенно с 2000-х гг., заметна важная роль повседневности, в которой современный субъект, не обладающий профессиональными знаниями, включается в общий процесс сохранения и развития традиций этнокультуры. Особенно в этом плане выделяется *гиперреальная повседневность*, в которой каждая личность благодаря технологиям Web 2.0 (новой версии Интернета, рассчитанной на удобство и интересы конкретных пользователей) способна выстраивать новое смысловое пространство, в том числе и этнофутуристическое. Итак, этнофутуризм как мировоззрение в самых основах оказывается связанным как с постмодернизмом, так и с постпостмодернизмом.

После рассмотрения особенностей этнофутуризма, его социально-исторических, гносеологических и социально-психологических оснований, с опорой на достижения современного гуманитарного знания, он характеризуется как особая идейно-мировоззренческая система, свойственная переходу от постмодернизма к постпостмодернизму.

Дается определение, согласно которому этнофутуризм – сложный, системный идейно-мировоззренческий феномен современных финно-угорской и тюркской культур, детерминированный рядом социально-исторических, гносеологических и социально-психологических факторов, структурированный диалектическим взаимодействием противоположных начал (этноархаики и техно-инноваций информационной культуры), существующий в онтологических статусах: с одной стороны – как мировоззренческой системы, а с другой – как совокупности конкретно-предметных форм культуры, открытый к воздействию извне и потому динамичный, а также саморазвивающийся за счет механизма единства и борьбы противоположностей, парадоксально сталкиваемых в нем сторон действительности (этно-консервативного и техно модернистского).

¹ Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск : Интерпрессервис : Книжный Дом, 2001.

Определение этнофутуризма как идейно-мировоззренческой системы должно быть дополнено рассмотрением более конкретных и наглядных форм его бытования в современной культуре, таких, как идеологическая, повседневная и художественно-эстетическая.

Вторая глава «Формы объективации этнофутуризма в современной региональной этнокультуре» состоит из трех параграфов, в которых последовательно рассматриваются разнообразные этнокультурные формы объективации этнофутуризма как мировоззренческой системы - идеологическая, повседневная и художественно-эстетическая – в их связи с контекстуальными изменениями постмодернизма конца XX – начала XXI вв. и, в основном, на материале чувашской культуры.

Первый параграф «Идеологическая конфигурация этнофутуризма» посвящен определению субстанциональных свойств этнофутуризма как его формы проявления – в идеологии этноса, под которой понимается комплекс идей, теорий и концепций, а также теоретические способы саморефлексии этноса. Идейность здесь служит интенцией действия, непосредственной акции, а потому она сама по себе как бы становится событием, аналогом творческого акта. Этнофутуризм в его идеологической форме проявления в культуре Чувашии явно обнаруживает некоторые черты сходства с постмодернизмом, притом, что последний сознательно избегает всякой идеологизации и политпрограмм. Все же и в этнофутуризме, и в постмодернизме присутствуют элементы идейного утопизма и мифотворчества.

Этнофутуристическое мировоззрение объективируется в идеологической форме культуры как выражение кризисного состояния этноса перед лицом многообразных «вызовов» – перестройки и глобализации, модернизации, омассовления, унификации и потери идентичности, а также обособленности, «невписанности» в общемировые цивилизационные процессы. В основе идеологических программ этнофутуризма находятся вполне актуальные общечеловеческие проблемы: языка и надежной «почвы», территориального единства и общей живой истории, объединяющих этнос традиций и ценностей, а также программы «вписанности» малых этносов в мировой цивилизационный процесс технической, информационной модернизации, либерализации и демократизации.

Идеология этнофутуризма также тесно связана с появлением и развитием в начале 1990-х гг. коммуникативного пространства (масс-медийных средств), в рамках которых она функционирует как *новая мифология*. В отличие от древней, данная мифология сознательно сконструирована этнической элитой и рассчитана на определенный контингент. В ней одновременно артикулировались проблемы прошлого и идеи будущего для народа, который должен стать частью единого нюркского или финно-угорского пространств. Подобные явления несомненно

характерны для периода кризиса, болезненной ломки культуры, некоего пограничного ее состояния. Чтобы понять это, необходим семиотический анализ этнофутуризма. Тогда можно говорить об идеологии этнофутуризма как о новом центре семиосферы, сместившемся с периферии культуры и занявшем уже в этнокультуре в фазе «взрыва»¹ место ядра, которое ранее занимали тексты советской семиосферы. Произошло это в связи с новизной этнофутуризма как мировоззрения пограничного и биполярного, построенного на «разрешенном» противоречии как «своего», так и «чужого».

Во втором параграфе «Формы объективации этнофутуризма в повседневной культуре» характеризуются особенности объективации этнофутуризма в формах повседневности на материале повседневной культуры Чувашии. В работе обращается внимание на такие важнейшие сферы обыденно-повседневной культуры как реальная макросреда (городская), как микросреда (мир артефактов), как гиперреальное, коммуникативно-информационное и коммуникативно-интерактивное пространства (масс-медиа и Интернет). К основополагающим свойствам, проявляемым этнофутуризмом в повседневности, можно отнести *интертекстуальность, парадоксальность и оксюморонность, мифологически-иррациональное начало*, а также *ацентричность и плюралистичность*, кроме того, *«всеядность» и принципы игры*, что сближает этнофутуризм с постмодернизмом.

В работе особо рассматривается сфера макросреды, а именно - городское пространство. Современные Чебоксары представляют собой сложный полицитатный текст. Таковы практически все объекты урбанизированного пространства, образующие парадоксальный сплав древнечувашских (образы мирового древа, мировой горы, трех солнц) и новочувашских текстов (цитации современных государственных символов) с западноевропейскими (новейшие тенденции в архитектурном оформлении и планировке города). Эти оксюморонные сочетания обнаруживают в первом приближении функции рекламы, создания столичного «бренда», с чертами привлекательной для туристов экзотики. С другой стороны, подобный диалог технико-инновационного компонента с традициями чувашской древности в пространстве повседневной макросреды определяется важной тенденцией современного этнофутуристического мировоззрения и имеет культуруохранительную и культуртранслирующую функции.

В повседневно-обыденной культуре этнофутуризм обнаруживает свое присутствие также и в микросреде, будь то одежда или быт, пища, национальная кухня или артефакты этноса. Именно на данном уровне знаки этнонационального вступают в диалог со знаками современной информационной цивилизации. Ярким

¹ Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб. 2000.

примером такого диалога является, к примеру, современный дизайн, в котором происходит «поворот» к модной сегодня этничности.

Важной формой бытования этнофутуризма в повседневности являются его проявления в *коммуникативно-информационном пространстве*, прежде всего в виде масс-медийных продуктов. Особо следует выделить *коммуникативно-интерактивное, гиперреальное пространство Интернета*, которое в большой степени становится «средой обитания» этнофутуризма. Таковы администрируемые общественные сайты республик, финно-угорских и тюркских сообществ, обладающие свойствами относительной устойчивости и большой легитимации. Однако более адекватно отражающими этнофутуристический образ мышления в массовом сознании можно считать такие проекты в Интернете, как форумы, блоги, группы в социальных сетях. Их отличает высокая субъективность и ризоматичность, неструктурированность и нелегитимность, а также динамичность. Именно в данной сфере происходит «поворот» этнофутуризма в сторону массовости. Именно здесь он проявляет большую эмоциональность и демократизм.

Будничное бытование этнофутуризма в ткани повседневности взламывается его праздничными формами проявления. Для него характерны такие качества, как массовость и праздничность, полимерность и большая степень активности участников, иррациональности и коммерциализации. Среди форм праздничной реализации этнофутуризма можно назвать авангардные этнонациональные художественные проекты, акции и перформансы, художественные экспозиции и праздничные фестивали этнокультур, национальные тематические праздники и страстное творчество.

Среди названных форм бытования праздничного этнофутуризма первая отличается высокой элитарностью, нарративностью¹. Таково большинство экспозиций и художественных проектов этнофутуризма (выставки Чувашского государственного художественного музея «Мир этих глаз», «Мир этих глаз-2», «2000-Белая Чувашия», «Мир этих глаз-3», «Глаза Волги», «Тамга», «Ночь музеев. Этнофутуризм»). В таких мероприятиях манифестируется «всеядность» и ризоматичность, нелинейность этнофутуризма. Массовым, непарадигмальным и более игровым вариантом подобной формы акционного этнофутуризма можно считать такую разновидность этнонационального перформанса, как флэш-моб. Акционность, игровое начало, ризоматичность и большая свобода выбора для участников событий лежит и в основе праздничных фестивалей этнокультур, например, фестиваля «KAMWA». Национальные праздники культуры – это наиболее функциональные события в плане кумулирования и трансляции ценностей

Булатова, Д.С. Элементы нарратива и мифотворчества в музейном искусстве (на этнокультурном материале) / Д.С. Булатова // Культурологические штудии : ежегодник кафедры культурологии и мировой художественной культуры. – Чебоксары : Free-Poetry, 2008

культуры, а также их «оживления». Эстрада – еще одна массовая и популярная форма праздничного проявления этнофутуризма. В музыкальном творчестве современных поп-композиторов (Н. Казаков, В. Салихова) существует явная тенденция к слиянию фольклорных интонаций и тематизма с западной музыкальной техникой.

В целом, на уровне реализации этнофутуризма в повседневной культуре можно выделить доминанту «события», «акта», «действия». В отличие от идеологической формы бытования этнофутуризма, здесь преобладает всеобщность и массовость, материальность и утилитарность.

В третьем параграфе «Художественно-эстетическое своеобразие этнофутуризма в Чувашии» анализируются отдельные художественные произведения чувашского этнофутуристического искусства и выявляется его соотношение с постмодернизмом.

Если содержательная основа идеологии этнофутуризма условно обозначается понятиями «идеи», «глагола», а особенности повседневной формы его бытования понятиями «акта», «действия», «процесса», то художественная форма бытия этнофутуризма характеризуется через понятие «идеи-акта». Амбивалентная связь «глагола» и «действия» определяет успешное существование художественно-эстетического этнофутуризма на всех этапах саморазвития этнофутуризма с 1990-х гг. по сей день. Искусство этнофутуризма формирует пространство, в котором наблюдается тождественность духовного и материального, субъективного и объективного.

Основания современного этнофутуризма в Чувашии закладывались уже в первый, доэтнофутуристический, период, когда появилось профессиональное искусство, но более всего – во второй, в предэтнофутуристический, а именно – с 1960-х по 1970-е гг. – такими художественными деятелями, как А. Митгов (в изобразительном искусстве), Г. Айги (в литературе). В их творчестве уже происходит обращение к теме этнонационального (к «своему») с его переосмыслением посредством авангардистских способов («чужого»).

Сегодня этнофутуризм развивается практически во всех видах художественного творчества – живописи и графике (например, в творчестве Праски Витти, П. Петрова, А. Розова, Г. Фомирякова и др.); скульптуре и архитектуре (в деятельности В. Аванмарта, П. Пупина); поэзии и прозе (например, в деятельности М. Карягиной, В. Степанова, Б. Чиндыкова), в музыке (в работах Н. Казакова); в декоративно-прикладном искусстве. Этнофутуризм как литературно-художественное направление обнаруживает специфическое отношение ко времени и пространству, а также субъекту культуры. Можно выделить определенно доминирующие проблемы.

Первая проблема – *проблема времени* в произведениях, поскольку этнофутуризм изначально артикулирует идею будущего. На материале драматических произведений Б. Чиндыкова и живописных работ Праски Витти, П. Петрова, Г. Фомирякова делается вывод об идеализации художниками прошлого, притом что реализуется идея будущего через «оживление» традиций и ценностей народной культуры. В этнофутуристических произведениях наблюдается *схождение времен*: одинаково важными оказываются все три времени (прошлое – настоящее – будущее).

Вторая проблема – *проблема языка* как одной из главных категорий в этнофутуризме. Слово здесь становится главной онтологической ценностью. Оно формирует структуру текста. Этнофутуризм рождается в художественном творчестве через возведение художественного слова в ранг фундаментального основания Вселенной. К каким бы образным текстам ни обращался художник-этнофутурист, он ставит во главу угла именно родное слово, в том числе и «невербальное», например, «речь» орнамента. Цитируя его и переосмысливая, сочетая с другими текстами, автор придает ему дополнительную многозначность. За счет доминирования слова в литературе и даже живописи этнофутуризма произведениям Г. Айги, М. Каряниной, Праски Витти и многих других авторов придаются черты цитатности и интертекстуальности, эффекта «смерти автора» и ризоматичности, парадоксальности, а также усиления «игрового» начала.

Комплексное культурологическое рассмотрение модификаций этнофутуризма в таких культурных формах, как идеология, повседневность и художественно-эстетическая деятельность, может быть продуктивным для выработки общих представлений о специфике разнообразных конфигураций этнофутуризма и послужит основой для его дальнейшего изучения в других сферах современной культуры, например, в сфере моды, спорта, туризма.

В **заключении** подводятся итоги, формулируются главные выводы и обозначаются некоторые перспективы дальнейших исследований.

Основные положения работы нашли отражение в следующих публикациях:

*Публикации в ведущих рецензируемых изданиях,
рекомендованных ВАК РФ:*

1. Уколова, М. С. Некоторые особенности проявления этнофутуризма в современной чувашской культуре / М. С. Уколова // *Личность. Культура. Общество* – М., 2009. – Вып. 2 (№№48-49). – 0,5 п.л.

2. Уколова, М. С. Этнофутуризм как философско-мировоззренческий феномен и его место в постмодернистской культуре / М. С. Уколова // *Обсерватория культуры*. – М., 2009. – № 3. – 0,5 п.л.

Публикации в иных изданиях:

3. Максимычева, М. С. Этнофутуризм как литературно-художественное направление в современной чувашской культуре / М. С. Максимычева // *Проблемы культуры в современном образовании : глобальные, национальные, регионально-этнические : Сб. науч. статей : В 2 ч. Ч. 1.* – Чебоксары : Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева, 2006. – С. 37 – 42.

4. Максимычева, М. С. Поэма Г. Айги «Поклон – пению» в контексте этнофутуризма / М. С. Максимычева // *Проблемы культуры в современном образовании : глобальные, национальные, регионально-этнические : Сб. науч. статей : В 2 ч. Ч. 2.* – Чебоксары : Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева, 2006. – С. 77 – 80.

5. Уколова, М. С. Этноидентичность и этнофутуризм в условиях информационного общества / М. С. Уколова // *Русский язык как интеллектуальная ценность и как учебный предмет : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. : в 3 ч. Ч. 2.* – Чебоксары : ЧГУ, 2008. – С. 182 – 196.

6. Уколова, М. С. Глобализация и актуализация этнокультурного компонента как взаимозависимые процессы современности / М. С. Уколова // *Культурологические штудии : Ежегодник кафедры культурологии и мировой художественной культуры.* – Чебоксары : Free-Poetry, 2008. – С. 110 – 114.

7. Уколова, М. С. Категория одиночества и проблема его преодоления в этнофутуризме (на материале творчества Б. Чиндыкова) / М. С. Уколова // *Проблемы региональной культуры.* – Чебоксары : Free-Poetry, 2008. – С. 26 – 31.

8. Уколова, М. С. «Парадокс» этнофутуризма в условиях глобализации / М. С. Уколова // Язык, литература и культура в эпоху глобализации : тенденции развития : сб. науч. ст. – Чебоксары : ЧГПУ, 2008. – С. 149 – 157.

9. Уколова, М. С. К вопросу о становлении и развитии этнофутуризма в Чувашии : М. С. Уколова // Этнокультура и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Белгород : БГИКИ, 2009. – С. 102 – 110.

10 -

Подписано в печать 19.05.2009. Бумага офисная.
Формат 60×84/16. Печать оперативная.
Усл. печ. л. 1,1. Тираж 100 экз. Заказ № 34 от 20.05.2009.

Типография «Карера». Адрес организации: 428000, г. Чебоксары,
Московский пр., 19/5, оф. 42.
Тел./факс: (8352) 45-45-15; тел.: (8352) 29-20-00.